

Сева НОВГОРОДЦЕВ, ведущий Би-би-си:

И тут начались драматические разборки

Известие - 2002 - 50 км - с. 9

Проект «Стань звездой», который идет по РТР, — один из самых успешных новых форматов, запущенных в этом сезоне. Во многом он обязан своими достоинствами тем, кто его делает. Атмосферу проекта создают не только четкие лицензионные правила и забавные участники, но и операторы, режиссеры и, конечно, судьи — Сева Новгородцев, Фекла Толстая и Алексей Макаревич. Сева НОВГОРОДЦЕВ рассказал обозревателю «Известий» Анне КОВАЛЕВОЙ о своем отношении к проекту, и не только.

— Чем отличается российская версия от английской?

— Мы исключили жестокость и издевательство над участниками. В Англии все друг друга так любят и окружающая среда такая сладкая, что им необходимо было внести в этот проект некоторую издевку. Жюри прямо говорило: «Вы поете ужасно! Убирайтесь отсюда!»

— Но и в российском варианте такие поты тоже проскальзывали.

— Ну, иначе бы получилась манная каша. Но я сделал все, что мог, чтобы внести некий гуманизм в это дело. Жизнь в российской провинции и так достаточно жесткая.

— Какова специфика этого проекта в России?

— Она несколько отличается от западной. Хотя это лицензионный проект, фактически за основу была взята только идея. А уж то, как нам работать внутри этой идеи, зависело исключительно от нас — от самих судей и от съемочной группы. И, кроме того, для нас, как мне кажется, была важна человеческая атмосфера внутри этого проекта.

— Почему вы согласились участвовать?

— Продюсер этого проекта давал мне интервью на первом

русском радио в Лондоне. И когда зашла речь о доверии к программе, я заметил, что отечественный шоу-бизнес поделен, славу можно купить и все будет держаться на авторитете судей. Тут-то продюсер и предложил войти в жюри. Что оставалось делать? Но были и другие причины. Лет тридцать назад я по всем этим городам ездил на гастроли. И если я сейчас и тоскую о чем-нибудь, то о музыкантских компаниях на гастролях, когда все загнаны в один автобус и трясется по кочкам из недели в неделю.

— Кочек не хватает?

— Фронтонной дружбы, которая вырабатывается за время таких поездок и которую больше нигде и никогда не найдешь.

— Но это за кулисами. А работой в проекте вы довольны?

— Было довольно трудно. Летом было очень жарко, в некоторых помещениях кислород кончался сразу, а расслабиться нельзя ни на секунду. Человек приходит на конкурс, его трясет от страха. Важно разглядеть, что за этим: он виртуоз и боится или вообще ничего не может. Мы работали на предельной концентрации, если были сомнения, просили повторить еще

Сева Новгородцев (в центре) с ведущими программы «Стань звездой»

раз, давали другие песни. Ведь речь в конце концов не только о судьбе проекта, но и о людях. Не дай бог, плохую карму создашь, потом тебе же это по балде и заедет.

— Много виртуозов попало?

— Ни одного. Были люди очень опытные и разносторонние. В Москву мы привезли чуть больше ста человек, из которых сделали двадцать, потом десять. И тут начались серьезные драматические разборки.

— А это как выглядело?

— В Англии такая группа распалась, просуществовав два года. Расскандалились. Нам нужно было найти не просто та-

лантливых, но психологически совместимых людей. У нас работала психолог, которая за всеми ходила: если люди оказывались трудными в работе, ленивыми, плохо к товарищам относились, то это...

— ... заносилось в личное дело.

— Там бумажек не было, все снималось на пленку. В результате привезли в Москву дикое количество кассет — две тысячи четыреста: две комнаты забили от пола до потолка, и это к тому моменту, как я уехал, а на этом проект не закончился. Как там бедные режиссер с продюсером это монтируют, не представляю.

— Как вам понравилась теле-версия вашей работы?

— Очень хорошо сделано. В музыке, в радио, в телевидении всегда запечатлена энергия создателей программы. Татьяне Дмитриевой, режиссеру-постановщику проекта, удалось смонтировать так, как будто бы ей двадцать лет. И в этом видны весь ее опыт и неумная энергия.

— Только ее или всех остальных тоже?

— Я пытался внести некий джентльменский набор, для чего, думаю, меня и пригласили. Приехал человек из-за границы, жил там двадцать семь лет, должен отчитаться, чему научился.

— И чему же?

— Ну, вот там всегда пропускаю вперед. Стараюсь не хамить, английская жизнь меня здорово от этого отучила. Мне кажется, в России этот момент выходит на первый план. Почему англичане, встречаясь друг с другом, начинают дурацкий разговор о погоде? Это система знаков. Этой значительной беседой устанавливается тот факт, что мы — воспитанные люди, никакой гадости друг другу не сделаем. Вот этой безопасности и цивилизности в России, на мой взгляд, не хватает. Я понимаю, что для одного поколения этого не добиться, но некое поднятие уровня бытовой цивилизованности и уменьшение хамства способно изменить жизнь. Если этого не добиться, никакой технический прогресс не поможет. Раньше были топором по голове, теперь плеером. Разницы никакой.

— Ну что вы, топором как-то вернее.

— Тем более. Поэтому моя задача по жизни и в этом проекте

— внести хотя бы крупинку цивилизованности.

— Вам не кажется, что у нас такие программы уже были — в частности, «Алло, мы ищем таланты»?

— Конечно. Но «Стань звездой» отличается от предыдущих форматов тем, что этот проект многогранен: здесь и взгляд общества на себя, и принцип обратной связи; если вы заглянете на форум www.popstars.ru, то увидите, что там уже тридцать шесть тысяч человек внесли свою лепту. В России нет достаточно развитой обратной связи на телевидении, зато на Западе, где есть цифровое вещание и свое мнение можно высказать, сидя дома и нажимая на кнопки пульта, ТВ становится мощным инструментом демократии. В следующем после этого формате «Поп-идол» звезду выбирали уже не с помощью жюри, а голосованием телеаудитории, участвовало около двенадцати миллионов человек. Мне нравится эта бытовая демократия. Людей, привыкших выражать свое мнение даже по таким незначительным поводам, трудно одурить лозунгами, от которых я уезжал.

— На протяжении многих лет вы были культовой фигурой. Вы себя еще ощущаете?

— Я бы сказал по-другому. Мне бы хотелось багаж, наработанный за «культовые» годы, применить во благо, как, например, с проектом «Стань звездой». Но если нет, буду продолжать делать то, что делал. Радио все-таки не совсем умерло, да и мне есть еще что сказать.